

Журнал "Костер"

№12, 1965

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал "Костер": №12, 1965 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 72 с.

ISBN 978-5-458-61569-3

Костер - это журнал для школьников, который начал издавать в СССР с 1936 года в Ленинграде. Журнал будет интересен для школьников начальной и средней школы, а так же для родителей. Рубрики "Костра" учат школьников не в привычной для образования манере, а в форме интересных рассказов. В числе постоянных рубрик есть и литературная страничка, юмористические материалы, статьи по истории Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-458-61569-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

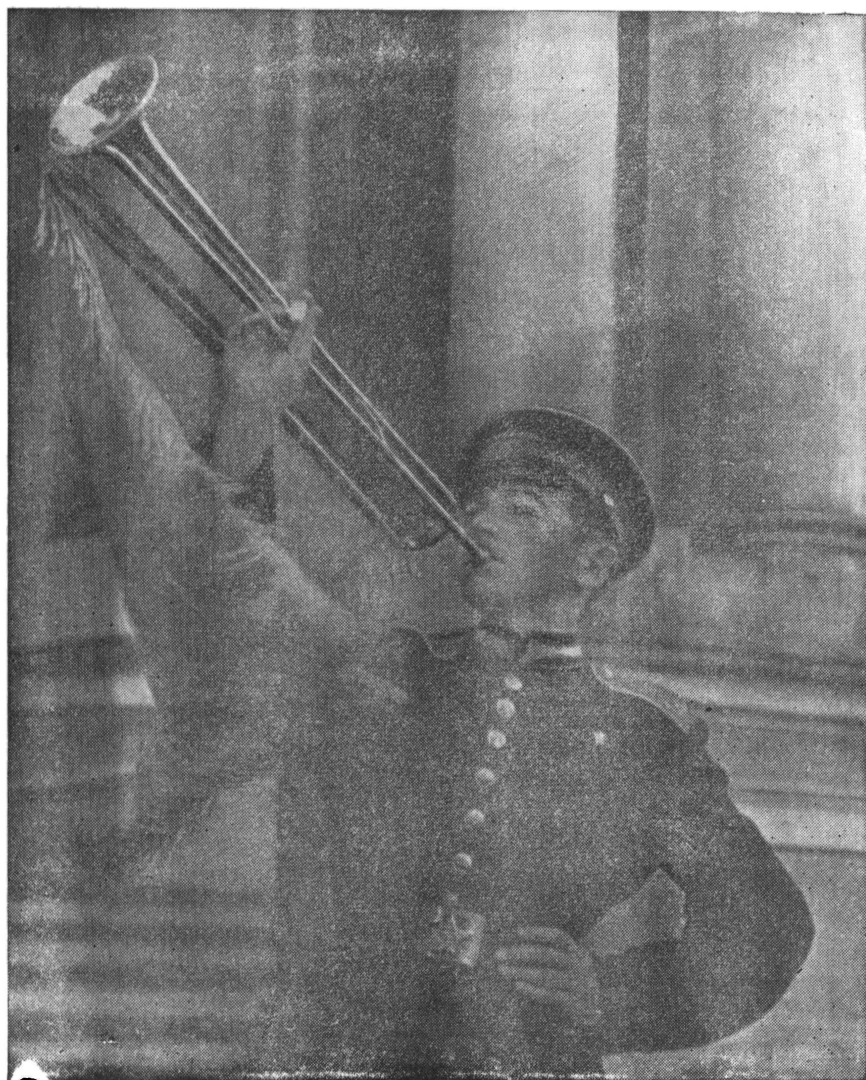
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Пока Таня Русиновская собирается стать медсестрой. Дальше будет видно. Во всяком случае, каждый знаменитый врач так или иначе через это прошел. И профессор, хирург Александр Васильевич Смирнов, пожалуй, не станет отрицать, что тоже волновался, когда впервые в жизни взял в руки шприц. А теперь он, усталый, сосредоточенный, возвращается после очередной операции. Которой? Да он уже и счет им потерял. Сами посудите, в 1966 году Александру Васильевичу исполнится восемьдесят лет. А он все трудится, учит молодежь, пишет научный труд... Откуда такая работоспособность? Открыть секрет? Пожалуйста. Вот что сказал Александр Васильевич:

— Надо трудиться непрерывно, напряженно, радостно...

Фанфарист Суворовского училища Саша Колесников, слышишь звуки трубы? Тебя приветствует заслуженный артист РСФСР, концертмейстер Ленинградской филармонии Вениамин Савельевич Марголин. В известном смысле слова, он твой коллега.

Послушаем-ка Вениамина Савельевича:

— Труба — это не только музыка, но еще и спорт. Труба — это не только профессия, но и характер, твердый характер.

Над этими словами стоит задуматься, тем более, что Вениамин Савельевич — пловец-первоурядник и любитель легководолазного спорта.

Танцует в масле картофель-фри. Зорко следит за ним повар ресторана „Москва“ Василий Васильевич Железнов. Пальчики оближешь!

А Саша Степанов пересолил... Пересол, недосол — удел всех начинающих, в том числе и начинающих поваров.

— Повар — очень важная профессия. Так думаем мы с Львом Евгеньевичем. И не только мы. Приятного аппетита в новом году, ребята!

ВАНДЕРБУЛЬ БЕЖИТ ЗА ГОРИЗОНТ

П О В Е С Т Ъ

Р. Погодин

Рисунки С. Спицына

Имя для себя

Весна пахнет арбузом. Особенно по утрам. Запах идет от земли. Сквозь асфальт. Земля дышит свежестью. Земля пахнет прорастающими семенами.

Город наполнен звоном. Весной звенит все: и воздух, и крыши, даже небо.

Будто поют фанфары.

Баська вышел во двор, расстегнул верхнюю пуговицу пальто и закричал:

— Вандербуль!

Расстегнул еще одну пуговицу, закричал еще громче:

— Вандербуль!

Ребятам всем любопытно — что человек кричит?

— Это что? — спросила девчонка в оранжевой шапке.

— Это я, — сказал Васька. — Это теперь мое новое имя. Я сам его придумал.

Бандербуль увидел кошку. Кошка лежала на ящике, повернув солнцу белое брюхо.

Он неслышно подкрался к ней — а вдруг цапнет? И закричал:

— Вандербуль!

Кошка зашипела, прижала к затылку острые уши, завывала и прыгнула в чью-то форточку.

Кто первым чует весну? Кошки. Кошек не проведешь. Они ходят по скользким крышам. Таращатся в небо. Они поджидают птиц, летящих из Африки, хотя их сожрать, но птицы летят высоко, рядом с мокрыми тучами. Кошки тянутся вверх, поднимают когтистые лапы. Жадно стонут, орут и кусают друг друга.

Вандербуль знал все про кошек и про весну.

Когда весна войдет в город, начинается славный шум. Грохочут железные крыши. Палят водосточные трубы. Прямо в прохожих, ледяными снарядами.

Лужи вокруг. Брызги.

Когда весна пообсохнет, небо станет далеким и синим. В стеклах зажжется радуга.

Теплынь!

Вандербуль расстегнул все пуговицы на пальто. Засунул руки в карманы штанов и, грудь колесом, пошел в подворотню.

Вандербулю нравилось новое имя. Старое ему не годилось. Что в нем, в старом? Васька. Словно просачивается и уходит застрявшая в раковине вода. Пусть люди сами придумывают себе имена. Если человек придумает себе имя Полёт, он обязан будет всю жизнь прожить в ладу со своим именем. А сейчас обман — сейчас имя ничего для дела не значит.

Вандербулю очень нравилось новое имя. В нем слышались боевой клич, накат волн и какой-то далекий таинственный зов. Вандербуль! Красивое имя. Морское имя. Славно жить с таким именем.

По улице шли прохожие. Гурьбой. Разноцветными толпами.

Весело кашляли и улыбались.

Вандербуль потолкался среди прохожих, хотел закричать свое новое имя, но передумал. Просто подошел к незнакомому гражданину, протянул руку и, радостно глядя ему в глаза, заявил:

— Вандербуль!

Гражданин растерялся, поправил клетчатый шарф.

— Гутен морген, — сказал гражданин. Отойдя шага на три, он спросил сам себя озадаченно: — Черт возьми, может, я чего перепутал?

Вандербуль шагал себе дальше — грудь барабаном. Вертел головой, чтобы всем заглянуть в глаза.

По рельсам катил трамвай. Сопели автобусы. Они неохотно лезли на мост, наверно, мечтали сойти со своих путей и удрать в незнакомые переулки.

Вандербуль помахал им рукой. Свернул с шумной улицы на Крюков канал.

В черной воде с синеватым отливом утонули белые облака.

По шершавым булыжникам бегали голуби, прыгали воробьи.

Возле решетки, на шербоной гранитной плите сидел безногий мужчина. Он был без пальто. Его кепка лежала на тротуаре. Мужчина смотрел в небо, шурился и почесывал щеку. Сидит человек — один-одинешенек. Вандербуль по-

топтался в сторонке, потом боком, по-воробьиному, подошел к инвалиду.

На пиджаке у мужчины, возле лацкана, темнело пятно в форме звезды. Посередине пятна Вандербуль разглядел дырочку.

Мужчина шевельнулся, сел поудобнее, скосил на Вандербуля глаза и как будто застыл. Вандербуль улыбнулся ему. Подумал — неудобно стоять молча. Для храбрости хлюпнул отсыревшим носом и протянул руку.

— Вандербуль.

Мужчина одним пальцем опустил его руку.

— Подходяще. А я вот на облака люблюсь. Красота. Иные, как звери. Иные, как корабли.

Вандербуль осмелел, пододвинулся ближе.

— Такая сказка есть, — сообщил он. — Знаете? Это было давно, когда придумали самолет. Изобретатель придумал и показал королю. Тогда все королям показывали. Королю очень понравился самолет. Он даже заерзал от радости на своем золотом стуле и закричал: «Летчиков в небо! Пускай летают над моим дворцом, составляют из облаков мое имя. Я и придворные будем любоваться с балкона».

Рассказывая, Вандербуль сел рядом с мужчиной, прямо перед кепкой, в которой желтела медь.

— Летчики погибли? — спросил мужчина.

— Погибли. Запутались в облаках и столкнулись друг с другом. Тогда самолеты были некрепкие.

Мужчина засмеялся, уставился на голубей.

— Всегда так, — сказал он. В глазах его появился тусклый далекий блеск. — Наверно, этот король закидывал.

— Что? — спросил Вандербуль.

— За воротник, — ответил мужчина.

Вандербуль ничего не понял, но ведь короли всегда делают странные вещи. И, чтобы не показаться глупым, Вандербуль сказал:

— Наверно, закидывал. Я у отца спрошу.

Голуби подходили близко, в сизых мундирах, в красных штанах. Толстые, важные от дармовых харчей. Воробьи дрались в променах, крали у голубей корм и — фр-ррр! — летели над Вандербулевой головой.

Мужчина пятерней почесал ногу, обернутую штаниной выше колена. Вандербуль съежился, ему стало холодно вдруг. Он потрогал темное пятно у мужчины на пиджаке, которое имело форму звезды, и спросил тихо:

— Это у вас от ордена?

Мужчина посмотрел на пиджак.

— Что?

— Это у вас орден висел?

— Ну, орден.

— Вы его отвинтили?

— Я его в шкаф убрал на самую верхнюю полку и нафталином посыпал.

— Больно было?

— Что больно? — сухо спросил мужчина.

Вандербуль покраснел, ему стало стыдно, что он такой любопытный, но уж очень хотелось узнать про войну.

— Ну, когда вас ранило... — Вандербуль осторожно дотронулся до ноги в подвернутых брюках.

— А-а, — сказал мужчина. — Тебе сколько лет?

— Шесть.

— Большой мужик.

Мимо шли люди в пальто нараспашку. Вандербуль смотрел в их спокойные лица.

— Куда же вы мимо? — спросил он.

Остановился какой-то парень без кепки. Уставился на Вандербуля.

— Мы деньги просим, — объяснил ему Вандербуль.

Парень покраснел, принялся шарить в карманах.

— Мелких нету, — сказал он с тоской.

Вандербуль поднял кепку.

— Это ничего. Давайте, какие есть,

Парень покраснел еще пуще.

— У меня никаких нету, — пробормотал он и замигал от досады. Мужчина засмеялся.

— Спасибо, братишка... Хочешь, возьми на трамвай.

— Что вы! — попятился парень. — Извините... — И быстро пошел, почти побежал.

Мужчина смотрел ему вслед. Глаза его медленно гасли.

— Пойдем, я тебя мороженым угощу, или, хочешь, конфетами.

— Посидим еще. Поговорим лучше про войну, — Вандербуль положил кепку себе на колени. — Вы, наверно, были героем-танкистом.

Мужчина опустил голову, царапнул пятерней небритую щеку и, словно сделав для себя открытие, сказал удивленно:

— Вот какое слово проклятое — был. Заполняешь анкету и на каждой полоске выводил: был, знал, работал, учился. Слово ты уже мертвый. А может, в душе человек иначе про себя думает: «Могу быть, могу стать, могу справиться...» Это не твоя мама спешит?..

По набережной бежала Вандербулева мама. Рядом с ней торопилась дворник Людмила Тарасовна. Они бежали сквозь голубиные стаи.

Вандербуль хотел крикнуть: «Мама, мама, давай! Кто вперед?» Но мама уже схватила его, подняла на руки и так крепко стиснула, словно кто-то чужой и недобрый пытался его отнять.

Кепка упала. По гранитной плите покати-лась чужая медь.

— Разве так можно? — испуганно прошептала мама.

Инвалид приподнялся, посмотрел на маму с усмешкой.

— Подсоби, сестренка, своей трудовой монетой инвалиду, который мог бы стать героем-танкистом.

Мама круто повернулась и побежала к мосту, унося на руках Вандербуля.

— Ты зачем меня несешь? — кричал Вандербуль. — Мы хотели поесть мороженого!

Дворник Людмила Тарасовна следовала за ними со спокойным сознанием выполненного долга. Она оборачивалась, кричала мужчине:

— Бессовестный! Глаза, как у сироты, а кулаки-то, как у разбойника. Вернулся. Ишь, рожка красная. Сегодня доложу участковому, что ты опять засел тут.

Придя домой, мама посадила Вандербуля в горячую ванну. Она мылила его хвойным мылом. Терла розовой поролоновой губкой.

— Он герой! — кричал Вандербуль.

Мама молча окунула его с головой в воду.

У Вандербуля изо рта вместо гневных слов вылетали мыльные пузыри.

Мама растерла его мохнатым полотенцем. А когда пришел отец, она рассказала тихо:

— Понимаешь, он сидел с нищим, выпрашивал деньги.

— Бывает, — сказал отец.

— Нет, ты ему объясни.

Отец пошел в другую комнату искать своего сына под широким диваном.

А Вандербуль стоял в коридоре. Он рисовал на светлых обоях разрушенный город и танк. Танк горел. От него отползал человек. Человек не мог ползти быстро. Его ноги лежали возле горящего танка. Они были похожи на старые валенки.

— Разве это танк? — услышал он голос позади себя.

Обернулся.

За его спиной стоял отец. Спокойный, в темно-сером костюме. Отец взял у него карандаш и по соседству нарисовал другой танк, с могучими гусеницами и длинной пушкой. Такой танк, по мнению Вандербуля, не мог гореть. Он мог только идти вперед от победы к победе.

— Слушай, — сказал отец. — Давай поговорим об этом деле.

— А если ему на войне оторвало ноги?

— Это не оправдание.

— Он на войне был героем, у него орден.

— Тем более.

Вандербуль рисовал на обоях пули. Они летели, словно осенние злые мухи.

В коридор вышла мама. Она принесла мягкую резинку, которая называется клячкой. Принялась чистить обои.

— Пусть будет, — сказал ей отец.

— Но мы не одни живем в квартире.

— Моя картина никому не мешает, — сказал Вандербуль.

Отец его поддержал.

— Все равно ее не сотрешь. Он нажимал со всей силы.

Мама увела Вандербуля спать.

Вандербуль ворочался, смотрел в потолок, расчерченный голубыми прямоугольниками.

Отец и мать говорили за дверь. Голос у мамы был беспокойный:

— Ты, кажется, не так ему объяснил. Ты бы ему сказал, что этот человек пьяница и бездельник. Что ноги он потерял... ну, попав под трамвай, что ли.

— Я этого не знаю, — ответил отец. — Ну, успокойся.

«Зачем меня мыли мылом, — думал Вандербуль. — Я ведь вчера купался». Светофор с перекрестка бросал в потолок зеленые, жел-

тые, красные вспышки. Вандербуль смотрел на них, пока ему не стало казаться, что он идет по зеленым, желтым и красным плитам. А вокруг никого. Только жужжат пули и ранят его одна за другой.

На следующее утро мама разбудила Вандербуля, поставила завтрак на стол. Она торопилась на работу и долго прилаживала к новому платью брошку.

— Уберешь со стола и отправляйся гулять. За тобой тетя Лида закроет. Только гуляй во дворе, на улице ветер.

— Ладно, — сказал Вандербуль.

Он убрал со стола. Застегнул пальто на все пуговицы. Соседка тетя Лида осмотрела его и выпустила гулять.

Ребята играли в трехцветный мяч. Он стоял, посмотрел на игру.

— Я тоже придумала себе новое имя, — сказала ему девчонка в оранжевой шапке. — Я буду Люциндра. Есть в деревне такая трава, от нее медом пахнет.

Вандербуля тянуло на улицу.

На горбатый мост, как и вчера, вползали трамваи. Они казались равнодушными и покорными.

Ветер выстроил над домами свой белокрылый флот. Ветер проводил большие маневры. Флотилии облаков шли одна за другой, скрывались за горизонтом крыш, унылым и близким.

На набережной Крюкова канала было пустынно. Вандербуль двинулся вдоль решетки. Вскоре он вышел к Морскому собору. Почему его называют Морским, может, за голубую с белым окраску? Соборная колокольня стояла отдельно, светила золотым шпилем, как навечно зажженная свечка.

Неподалеку от паперти сидел инвалид. Вместо пиджака на нем была синяя матросская рубаша, на ногах — брюки клеш. Черные тихие старушки кидали монеты в мятую бескозырку.

— Большое вам спасибо, мамыши, от искалеченного войной моряка, — говорил инвалид.

«Может быть, одну половину войны он был танкистом, другую — был моряком», — подумалось Вандербулю. Вандербуль хотел подойти к инвалиду, поздороваться, но его опередил медленный милицейский майор.

— Ты опять за свое, — сказал майор инвалиду. — Тебя ведь выслали.

Нищий улыбнулся бесстрашно.

— Я в отпуске, гражданин начальник. Могу документ предъявить.

Майор посмотрел документы.

— Ты что же, не нашел отпуску лучшего применения?

— К старому делу тянет, — инвалид поднялся, сунул под мышку костыль. Увидел Вандербуля. — А тебе чего надо? Чего ты за мной ходишь? — Он повернулся к майору и закричал, словно майор был в чем-то перед ним виноват: — Ордена ему подавай! А я во время войны был вот таким шкетом, мальчиком был. — Нищий сильным рывком оттянул книзу ворот тельняшки. — Вот, вся грудь в орденах. Обхохочешься...

На заросшей груди были выколоты бабочки,

и среди этих бабочек синело мешковатое сердце, проколотое стрелой.

— Нет у него орденов, — холодно сказал майор. — Идите. Прикройте пейзаж.

Нищий поправил тельняшку. Пошел не оглядываясь. Майор тоже пошел мимо черных сердитых старушек.

Вандербуль прислонился лбом к холодной решетке соборного сада и долго стоял так. Ему казалось, что все люди, которые идут по улице, смеются над ним и чему-то радуются.

Дома Вандербуль отыскал мягкую резинку, которая называется клячкой. Резинка вобрала в себя графит, но даже стертый рисунок был отчетливо виден. Он был выдавлен на стене. Вандербуль сбил его молотком и даже не убрал с пола известку.

Возраст выносливых и терпеливых

Снова была весна.

С разноцветными тучами — фиолетовыми, красно-бурыми, цвета стального и цвета меди.

Город весной беззащитен. Город прикрывает прорехи афишами. А весна льет дожди. Иногда, растолкав тучи, она показывает небо, синее и блестящее. Небо пахнет холодным ветром.

Во дворе перемены. Песочником, качелями и трехцветными лакированными мячами завладели другие ребята. Гремя погремушками, гремя в барабаны, на все голоса оружие, лезут они из каждой парадной. Они наступают. Они вытеснили Вандербуля и его ровесников. Они завладели двором.

Четыре года прошло с той весны. Генька, Лешка-Хвальба, Шурик-Простокваша, девчонка Люциндра и Вандербуль сидели на трансформаторной будке. Они морщили лбы, сосредоточиваясь на единой высокой мысли. Выпячивали подбородки, отяжелевшие от несгибаемой воли. Они говорили:

— Геракл — это сила.

— Чапаев... Чапаев тоже будь здоров. Тоже может.

Ромул основал Рим, когда ему было всего двадцать лет. Князь Александр в двадцать лет уже стал Александром Невским. Двадцать лет — это возраст героев. Десять лет — это возраст отважных, выносливых и терпеливых.

Генька, у которого не было клички, дергал носом и кривился.

— Асфальтом воняет, — сказал он, чихнув. — А мне вчера зуб выдрали.

Люциндра скосила на него глаза, отворила рот и засунула туда палец.

— Во, во, и во... Мне их сколько вырвали.

— Тебе молочные рвали. Молочный зуб в мясе сидит. Настоящий — прямо из кости растет. Иногда даже челюсть лопаются, когда настоящий рвут. Я видел, как один военный упал в обморок, когда ему зуб выдернули. Подполковник — вся грудь в орденах.

— Я бы не упал. Я еще и не такое терпел, — самозабвенно похвастал Лешка-Хвальба.

— А ты попробуй, — сказала Люциндра.

— Нашла дурака.

Вандербуль глядел в Лешкины выпуклые глаза. Что-то затвердевало у него внутри. Все предметы во дворе стали вдруг мельче, отчетливее, они как будто слегка отодвинулись. И Лешка отодвинулся, и Люциндра. В глазах Люциндры отражаются Генька и Шурик. Руки у Вандербуля стали легкими и горячими. Такими горячими, что защищало ладони.

— Я вырву, — сказал Вандербуль.

— Ты?

— А неужели ты? — сказал Вандербуль.

Он спрыгнул с трансформаторной будки и, прихрамывая, пошел к подворотне. Ребята посыпались за ним.

В подворотне Генька остановил их.

— Пусть один идет.

— Соврет, — заупрямился Лешка-Хвальба.

Шурик-Простокваша заметил:

— Как же соврет? Если зуб не вырвать — он целым останется.

— Вот похочем, — засмеялся Лешка-Хвальба. — Выставляться перестанет. И чего выставляется?

Вандербуль шел руки за спину, как ходили герои на казнь, до боли сдвинув лопатки. Он

ни о чём не думал. Шел, почти не дыша, чтобы не растревожить жесткое и, наверно, очень хрупкое чувство решимости.

Когда он скрылся в уличной разноцветной толпе, Лешка-Хвальба подтянул обвислые трикотажные штаны.

— Вернется. Как увидит клещи, так и... — Лешка добавил несколько слов, из которых стало ясно, что делают люди в минуту страха.

Люциндра от него отодвинулась. Сказала:

— Дурак.

— Не груби, — Лешка нацелился дать Люциндре щелчка в лоб.

Генька, у которого не было клички, встал между ними. С Генькой спорить не безопасно. Лешка повернулся к нему спиной.

— Простокваша, пойдем, я тебя обыграю во что-нибудь.

Вандербуль шагал вдоль домов. Все герои от Геракла до наших дней шли за его спиной.

Мелкий дождь

Дождь блестел у него на ресницах. Мелкий дождь — он не льется, прилипает к щекам и к одежде.

Вандербулю дождь нипочем. Он его даже не замечает, только губы соленые. Девушки, странный народ, улыбаются ему. Им смешно, что идет он под мелким дождем такой отрешенный и светлый.

— Эй!

Вандербуль споткнулся, почувствовал вкус языка.

— Смотри под ноги.

Под ногами человек, он проверяет в люке телефонные кабели. В мокром асфальте перевернутый мир.

И вдруг засветились пятнами лужи, засияли по краям. На землю хлынуло солнце. Мелкий дождь засверкал и растаял.

Вандербуль повернул к больнице.

В сквере пищали и радовались воробьи. На мокрой скамейке, подложив под себя фуражку, сидел ремесленник Аркадий из Вандербулева дома. Рядом, на Аркадиевых учебниках, сидела девчонка.

Вандербуль сел рядом.

— Аркадий, вам зубы рвали? — спросил Вандербуль.

— Зачем? У меня зубы, как шестерни. Я могу ими камень дробить.

Из открытого окна больницы вылетел крик, искореженный болью. Он спугнул воробьев и затих.

— Ой, — прошептала девчонка.

Вандербуль попробовал встать, но колени у него подогнулись.

— Чепуха, — сказал Аркадий. — Меня высоким напряжением ударило и то ничего. Уже побежали ящик заказывать, а я взял и очухался.

Глаза у девчонки вспыхнули такой нежностью, что Вандербуль покраснел.

— Я пошел, — сказал он. Встал и, чтобы не сесть обратно, уцепился за спинку скамьи.

— Да ты не робей, — подбодрил его Аркадий. — Когда тебе зуб потянут, ты себя за ногу ущипни.

Снова начался мелкий дождь, потек по щекам, как слезы.

— Я пошел, — еще раз сказал Вандербуль. Ноги у него подгибались в коленях, словно из них испарилась вся сила.

— Бедный, — прошептала девчонка. — Я бы ни за что не пошла. До смерти боюсь зубы рвать. И мышей боюсь. Я всего боюсь. — И она положила голову Аркадию на плечо.

А ведь человеку нельзя жить и мечтать, если в десять лет он не испытал еще настоящей боли, не познал ее полной силы, не поверил себя, своей воли.

Девушка в регистратуре читала книгу. Брови у нее двигались в такт с чужими переживаниями и дергался нос.

— Тетенька! — крикнул ей Вандербуль. — Тетенька!

Девушка выплыла из тумана.

— Чего ты орешь?

— Мне зуб тащить.

— Боже, такой крик поднял. Иди в детскую.

Вандербуль сморщился, завыл громко. Одной рукой он схватился за живот, другой за щеку. Ему казалось, что если он перестанет выть и кричать, девушка ему не поверит и выставит его за дверь.

— Не могу-у! Я сюда еле-еле добрался.

Девушка еще не умела распознавать боль по глазам. Она недоверчиво слушала Вандербулевы вопли. Вандербуль старался изо всей мочи с басовитым захлебом и тонкими подвываниями. Наконец девушка вздохнула, заложила книжку открыткой с надписью «Карловы Вары» и, подняв телефонную трубку, спросила служебным голосом:

— Дежурного врача... Софья Игнатьевна, примете с острой болью? — Потом она посмотрела на Вандербуля и во взгляде ее появилось сочувствие. — Только рвать не давай,